НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся спѣшившись по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи, будто выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ жолтой, блеклой травы и сѣдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробѣгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самого небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, ито безспорно насыпной, курганъ возвышался влѣвѣ, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ–то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ и крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный волосъ осыпался. Тощій

желудокъ его въ сухопаромъ тѣлѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адьютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ–эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною коннаго часового, съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми, — словомъ, вся нестроевая, или западная сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

А что, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища: — должно быть шестой есть, прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце. — Шестого половина,

отвѣчалъ тотъ: —вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый–Кутъ; должно быть не далечко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ? А, и ты тутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ: — дай–ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и шипитъ ужь на кремнѣ; а мы, горемычные, развѣ самъ–симъ соберемся, такъ сгоношимся кой–какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ. — И мнѣ взаймы огоньку, братцы, отозвался третій: — и на мою долю тоже — и затянули и разыграли до конца трубочный квартетъ или квинтетъ. А нѣтъ ли у кого чего–нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ. — Не мѣшало бы, замѣтилъ другой и взглянулъ на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую

баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, возилась въ бархатномъ чехлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во–время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, залью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ мѣрную чарку. Затѣмъ онъ поспѣшно принялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню; вскорѣ показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ; пятдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно *во–лузяхъ* — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго–кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ

разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ голосовъ на селѣ и съ чувствами унынія и состраданія, господствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго–кута, черезъ которую полкъ переходилъ долонью. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ; нѣкоторые влѣзали даже на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ–то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но докторъ, который понялъ это и безъ распросовъ, освѣдомился по обстоятельнѣе, въ чемъ

дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ–то раздумьи, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и вмѣшавшись въ толпу протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, сымая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣно, распрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ, взялъ въ руки каганецъ — сальную плошку — сѣлъ на грязный, облѣпленный

мокрою глиной деревянный крестъ, который висѣлъ на веревкѣ надъ самымъ срубомъ — катокъ заскрыпѣлъ и докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тѣснѣе въ кучу, такъ–что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ отъ напора; офицеры вынуждены были взяться за полицейскія распоряженія и потомъ, когда все стихло, въ какомъ–то ожиданіи, наклонившись надъ срубомъ, глядѣли туда и прислушивались. Изъ глубины двадцати–саженъ раздавался какой–то невнятный говоръ, походившій болѣе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрыпѣлъ и вскорѣ докторъ показался изъ–подъ земли, сидя на томъ же грязномъ крестѣ. Иного средства нѣтъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. — Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за–живо.

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ–куту колодезь, который, какъ мы уже видѣли,

былъ очень глубокъ, потому–что въ южныхъ сухихъ степяхъ нашихъ вода дается не легко. Лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ очень дорогъ; понадѣявшись вѣроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосемъ на умѣ и языкѣ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть дряблыя плахи; на глубинѣ двадцати саженъ, гдѣ вѣроятно уже показались ключи, внезапно съ одного боку сруба случился обвалъ земли, который проломилъ натискомъ своимъ нѣсколько вѣнцовъ, вогналъ бревешки концами въ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника, который въ это время наливалъ черпакомъ опущенную туда бадью. Высвободить ноги не было никакой возможности: сколько народу ни спускалось въ колодезь, сколько ни думали, не гадали, а придумать было нечего. Всякой видѣлъ, что если только перерубить концы бревешекъ, упершихся въ противную стѣнку и зажавшихъ ногу работника, то затѣмъ не минуемо долженъ послѣдовать новый обвалъ; дорыться

сверху до такой глубины во–время не было никакой возможности; а между тѣмъ несчастному, вопреки извѣстной пословицы, въ каждое мгновенiе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую теперь, по тѣснотѣ, невозможно было вычерпывать, постепенно прибывала и подтопляла его и по расчету работниковъ должна была за–ночь залить его вовсе; помертвенiе ущемленной ноги и смерть отъ распространенiя антонова огня, смерть голодная, — словомъ, всѣ роды смертей предстояли несчастному, а спасенiя никакого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ и молилъ, чтобы ему отрубили ногу.... вмѣсто того ему подали, по общему совѣщанiю, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три вѣнца сруба, которые ему зажали ногу; а между тѣмъ тотъ, кто подалъ ему топоръ, поспѣшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свѣтъ; но бѣднякъ находился въ

такомъ положенiи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданiй ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ и недостало бы силъ для дѣйствiя топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможенiи бросилъ его въ глубину, разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на–прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бѣднякъ сидѣлъ, ровно въ капканѣ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пѣснями своими огласили Сивый–кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, безъ сомнѣнiя огласившiе также слухъ подземнаго заключенника, были предвѣстниками скораго его избавленiя.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданiи приказанiя доктора, и принесъ все, что было велѣно: полковой ящикъ, лекарскiй наборъ, губку, повязки и пару свѣчей. Взявъ съ собою только самые необходимые два или три инструмента, докторъ съ

костоправомъ сѣли, благословясь, на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчанiе, при томительномъ ожиданiи и страхѣ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многiе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли надъ срубомъ и не спускали глазъ съ отдаленнаго огонька. Кто–то изъ нихъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ, то есть въ возможности сдѣлать операцiю, по непомѣрной тѣснотѣ; вдавленные вѣнцы загромоздили и безъ того узкiй срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ ножомъ. Все это было пересказано шопотомъ, хотя не было никакой причины не говорить вслухъ; никто не отвѣчалъ; одинъ слегка пожалъ плечами, а другой вынулъ часы и, уставивъ на нихъ глаза, наблюдалъ движенiе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку — толпа закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрыпѣлъ катокъ, и смышленые два мужика, покрикивая другъ на друга вполголоса: тише, мотри, тише! налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего–то въ ляшку толщины, — потому–что толще этого лѣсу негдѣ было взять здѣсь, — но на этотъ разъ зрителямъ казалось, что у веревки этой вовсе нѣтъ конца. Офицеры, въ недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали то на воротъ, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потому–что оставленъ былъ на глубинѣ съ костоправомъ, но вдругъ показался изъ колодца всѣмъ знакомый узелъ, гдѣ захлестнутъ былъ махровый конецъ веревки, и вслѣдъ за тѣмъ крестъ, на которомъ сидѣли два человѣка, оба въ крови, но одинъ обнялъ и держалъ другого;

обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ ими и удерживалъ экипажъ свой въ возможномъ равновѣсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на–скорую–руку наложена повязка. Онъ смотрѣлъ еще глазами, когда вышелъ на вольный свѣтъ, но у него тутъ же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ–что докторъ его съ трудомъ удержалъ, и глаза его закатились. Люди подскочили на помощь и подняли его осторожно съ сидѣнья. Громкое, единодушное ура, которое конечно не было напередъ протвержено, встрѣтило страдальца и его спасителя. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными поклонами. На доктора сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больного положили на крестьянскую свитку, и

офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто–то спохватился бѣднаго костоправа, о которомъ было и думать позабыли и который зѣвалъ, какъ говорятъ у насъ, то есть, кричалъ во всю глотку въ темномъ острогѣ своемъ, но кричалъ гласомъ вопіящаго въ пустынѣ: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тѣмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того было. Итакъ, подняли и забытаго костоправа, котораго любимымъ расказомъ впослѣдствіи осталось на всегда, какъ его позабыли было въ колодцѣ, гдѣ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту вѣрною смертію, и какъ страхъ овладѣлъ уже бѣднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталъ себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровѣлъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлѣбъ свой и не скучая день–за–день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ верхніе пильщики, то есть никогда не

становится на бревно, а берется всегда только за нижній конецъ пилы? отвѣтъ его на это былъ обыкновенно: «а вишь, подпорка въ лещедкѣ засѣла,» — и дружный хохотъ встрѣчалъ эту знакомую остроту, которая впрочемъ не менѣе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тѣмъ же замысловатымъ вопросомъ.

В. ДАЛЬ